ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Народонаселение и демография

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ НА БРАЧНОМ РЫНКЕ СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ*

Георгий Вячеславович АНТОНОВ[a,•], Елена Геннадьевна ЛАКТЮХИНА[b]

[a] кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
antonovgv@mail.ru

[b] кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
laktuchina@mail.ru

• Ответственный автор

История статьи:
Принята 30.05.2016
Принята в доработанном виде 15.07.2016
Одобрена 04.08.2016
Доступна онлайн 14.04.2017

УДК 314.55
JEL: J12

Ключевые слова:
брачный рынок, брачность, разводимость, постбрачное поведение

Аннотация

Предмет. Представлены отдельные результаты исследования рынка повторных браков и индивидуальных стратегий брачно-разводного поведения в современной России. Актуальность темы состоит в том, что факторы выбора конкретной стратегии постбрачного поведения в отечественной демографии и смежных отраслях характеризуются значительной научной непроработанностью.

Цели. Изучение сложившихся тенденций на рынке повторных браков и выявление типичных форм брачно-разводного поведения в современной России.

Методология. Проведен массовый анкетный опрос по репрезентативной выборке жителей Волгограда и нескольких районов Волгоградской области, как имевших в прошлом опыт расторжения официального брака, так и не имевших такового, на предмет выявления у них типичных стратегий реализации брачного выбора и основных тенденций в брачном поведении. Обработка первичных данных производилась с помощью специализированных компьютерных программ, при этом в основном использовались методы описательной статистики, кросс-таблицы и т.п.

Результаты. Получены данные о факторах выбора конкретной стратегии брачного поведения среди демографически активного населения современной России.

Выводы и значимость. В современной России развод – это чаще всего добровольный выбор обоих супругов, рассматриваемый ими как один из равновероятных вариантов развития брачно-семейных отношений. Это говорит о формировании в нашей стране «культуры развода», более характерной для стран Западной Европы и США. Вместе с тем разведенные по-прежнему испытывают потребность оправдать распад своего брака традиционными причинами. Кроме того, развод утрачивает поколенческую специфику. Значение имеют только особенности семейного жизненного курса и возраст супругов. При этом представители всех возрастных групп демонстрируют сильные установки на компенсацию распавшегося брака новым союзом (официальным или фактическим).

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

В современной России развод становится нормой семейного жизненного курса, особенно в первые годы пребывания в браке [1, 2]. Ранние исследования разводимости фокусируются на объяснении низкой стабильности брака процессом урбанизации, повышением уровня образованности женщин, распространением семей с «двойной карьерой» и т.д.: А.И. Антонов [3, 4], А.Г. Харчев [5], Т.А. Гурко, А.Г. Волков. Однако когда развод становится массовым, выделить уникальные причины бывает все труднее[1,2] [6].

Современные тенденции в сфере брачно-семейных отношений К. Хакстаф[3] называет «культурой развода» (англ. *culture of divorce*), которая приходит на смену «культуре брака». Культура развода представляет собой набор установок, которые определяют брак как необязательный, а развод – как логичное решение проблем в браке. Одновременно с культурой брака «умирает» и установка на единственный и пожизненный союз [7, 8, 9].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и администрации Волгоградской области в рамках исследовательского проекта № 15-13-34002 (а/В) «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России».

[1] *Барашкова А.С.* Когортный анализ поведения населения на брачном рынке // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 15. С. 27–32.

[2] *Сукнёва С.А., Барашкова А.С.* Социально-демографическое воспроизводство народов Республики Саха (Якутия): взгляд в будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 47. С. 58–63.

[3] Карла Б. Хакстаф (англ. *Karla B. Hackstaff*), профессор социологии, директор Программы женских и гендерных исследований (The Women's and Gender Studies (WGS) Program) Университета Северной Аризоны, Флагстафф, Аризона, США; автор книги «Marriage in a Culture of Divorce» (*прим. ред.*).

Сравнивая результаты интервью с парами, заключившими брак в 1950-е гг. с данными 1970-х гг., К. Хакстаф делает вывод о поколенческих различиях в восприятии брака и развода и наступлении гендерного равенства. В отличие от культуры брака, где женщины остаются в супружеских отношениях даже если испытывают недовольство ими, в условиях, когда социально-экономические системы позволяют совмещать материнство и карьерные устремления, культура развода ориентирует супругов (прежде всего женщин) расторгнуть брак, который не приносит удовлетворения [10, 11].

Многочисленные обследования показывают, что на протяжении второй половины XX в. усиливается значимость причин развода, которые связаны с эмоционально-личностными отношениями супругов. Первоначально представители среднего класса чаще указывали на личностные проблемы в отношениях со своими супругами, в то время как представители рабочих классов чаще отмечали финансовые проблемы, однако позже классовые различия стали гораздо менее выраженными: Г. Китсон и М. Сассмэн [12]. Сравнивая данные 1948 г. и 1975 г., авторы отмечают, что личностные конфликты и отсутствие любви, лидирующие среди причин в исследовании 1975 г., ранее занимали соответственно пятое и шестое места. Исследователи делают заключение о все большей озабоченности эмоциональными аспектами брака, психологически здоровой окружающей средой для детей и приходят к выводу о том, что за исключением гендерных, никаких других существенных различий в восприятии проблем брака в зависимости от социально-демографических характеристик не существует. В 1983 г. М. Тернер обнаруживает в целом те же самые тенденции: наиболее часто упоминаемыми причинами развода выступают конфликты образа жизни, неверность супруга, финансовые проблемы [13].

Поколенческая специфика в восприятии развода в целом и в том числе в определении достаточных причин для расторжения брака фиксируется и в России. Численное значение общего коэффициента разводимости в нашей стране начинает резко расти с середины 1960-х гг. При этом пик разводимости тогда приходился на более старшие возрастные категории по сравнению с показателями второй половины 2000-х гг., а разводы в парах с малолетними детьми были немногочисленными. Так как возраст вступления в брак был ниже, а период бездетности от момента создания брачного союза – меньше, то можно предположить, что дети в распавшихся браках были значительно старше, а более поздние разводы были в том числе обусловлены тем, что дети уже меньше нуждались в заботе родителей.

В то же время для развода достаточными и «уважительными» считаются лишь некоторые причины. По данным опросов поколения родившихся в 1960-х гг. таковыми считаются пьянство одного из супругов, физическое и моральное насилие, супружеская неверность, разногласия по поводу рождения детей. Важно отметить, что при высоком росте вероятности развода, браки данного поколения демонстрируют высокую среднюю продолжительность – 17,5 года, в то время как у их родителей (родившихся в 1930-е гг.) – 13–15 лет [14]. Вероятно, именно семейная политика советского государства, проводимая в 1980-х гг., способствовала некоторой стабилизации функционирования семей с детьми, формируя отношение к разводу как допустимому способу решения проблем только в определенных жизненных ситуациях. В рамках настоящей статьи предстоит выяснить, происходит ли «сближение» причин разводов в разных возрастных когортах и существуют ли поколенческие особенности в брачном поведении в настоящее время.

В течение 2015–16 гг. авторами представленной статьи проводилось исследование типичных постбрачных стратегий, а также структуры и функционирования рынка повторных браков в современной России. Одним из ключевых этапов такого исследования выступило выборочное статистическое обследование жителей Волгограда и Волгоградской области, имевших в прошлом опыт расторжения брака и при этом принадлежащих к существенно различающимся в плане брачного поведения поколениям.

В пределах первого из таких поколений (21–35 лет) вероятность наступления значимых с точки зрения предмета нашего исследования демографических событий (новый брак, рождение ребенка, повторный развод) многократно выше, чем в рамках второго (36–59 лет). Обследование проводилось по репрезентативной выборке, тип выборки – случайная многоступенчатая, объем – 329 чел., предельная ошибка выборки не превышает 5% при уровне доверия ±2σ (две «сигмы»). Основной метод сбора первичных данных – формализованный анкетный опрос; статистическая обработка данных производилась при помощи программы «Statistica».

Распределение обследованных по указанным поколениям внутри выборочной совокупности

выглядит следующим образом: 21–35 лет – 123 чел. (37,39% респондентов), 36–59 лет – 206 чел. (62,61%). Достаточно выраженный дисбаланс в сторону «старшего» поколения обусловлен тем, что в нашем исследовании оно является более протяженным по сравнению с «младшим» (24 года «против» 15-ти лет), вследствие чего доля последнего в общей структуре населения региона просто меньше (по сравнению с поколением 36–59 лет), а так как отбор респондентов в выборку производился статистически случайным образом, то и в структуре обследованных оказалось соблюдено то же самое соотношение изучаемых поколений по их численности. Выбор же границы разбиения обследованных по поколениям (в возрасте 35–36 лет) обусловлен резким снижением демографической активности населения Волгоградской области (равно как и большинства других регионов нашей страны), начиная именно с указанного возраста.

Тезис о существенном снижении активности на брачном рынке, в том числе среди разведенных, подтверждается и распределением числа разводов среди представителей рассматриваемых поколений. И в том, и в другом поколении подавляющее большинство респондентов разводилось один либо два раза с преобладанием однократно разведенных. При этом среди 21–35-летних разводились один раз 77 чел. или 62,60%, а разводились два раза – 43 чел. или 34,96%. Среди 36–59-летних аналогичные показатели соответственно составили 114 чел. (55,34%) и 89 чел. (43,20%). Приведенные данные представлены в *табл. 1*.

Несмотря на некоторое увеличение доли повторно расторгнувших свой брак в поколении 36–59-летних по сравнению с 21–35-летними, представленные в *табл. 1* данные свидетельствуют прежде всего о том, что действительно эти поколения существенно отличаются по своей активности на брачном рынке, так как разница между ними в долях повторно разведенных не столь уж и велика (хотя и статистически значима). Это означает, что большинство тех, кто желает расторгнуть свой брак, в большинстве случаев «успевают» это сделать до достижения 36-летнего возраста, включая и тех, кто пережил подобное демографическое событие дважды. В целом же то что чуть ли не половина всех разведенных к 60-ти годам – это лица, в течение жизни расторгнувшие свой брак более 1 раза, свидетельствует о высокой активности населения нашей страны на брачном рынке и в том числе на рынке повторных браков. Причем эта активность не снижается после развода практически любой очередности.

Более того, доля состоящих в официально зарегистрированном супружеском союзе в поколении 36–59-летних существенно выше таковой по сравнению с поколением 21–35-летних, и это несмотря на то, что среди последних даже несколько ниже удельный вес разводившихся более одного раза, что вполне естественно. Это является дополнительным подтверждением того факта, что само по себе событие развода (причем независимо от того, сколько бы таких событий не происходило в жизни одного конкретного индивида) ни в коем случае не снижает силу положительной установки на брак и семью. Разумеется, более низкий удельный вес состоящих в официальном браке среди поколения 21–35-летних (по сравнению с 36–59-летними) во многом обусловлен их нижней возрастной границей в том смысле, что массово вступать в брак в современной России начинают несколько позже. И тем не менее указанная разница настолько существенна, что не объясняется только этим фактом. Соответствующие данные представлены в *табл. 2*.

В *табл. 2*, помимо всего прочего, обращает на себя внимание почти идентичная доля состоящих в фактическом браке (нерегистрируемом сожительстве) в обоих поколениях. Прежде всего это указывает на то, что в рассматриваемом в рамках настоящей статьи аспекте демографическое поведение в очень широком возрастном диапазоне (21–59 лет) остается практически неизменным, а это означает, что на протяжении последних примерно 40 лет брачный рынок в нашей стране, и рынок повторных браков в том числе, пребывает в неизменном состоянии, функционирует, проявляя одни и те же закономерности. Это, во-первых, существенно упрощает исследовательские задачи, связанные с его изучением, а во-вторых, говорит о том, что помимо брачного рынка, практически в неизменном виде в течение указанного периода функционирует и сам институт брака, не проявляя, вопреки расхожему мнению, тенденции к разрушению или деградации. На это в частности указывает один и тот же удельный вес сожительств в брачной структуре населения на протяжении уже нескольких поколений.

Определяющим моментом в стратегии поведения разведенных на брачном рынке выступает собственно событие расторжения брака, следовательно, ключевым аспектом изучения

такого поведения является вопрос о причинах развода. Разумеется, при использовании такого метода сбора первичной информации, как массовый анкетный опрос, респонденты, как правило, не раскрывают глубинные мотивы и причины своих поступков, а скорее дают социально одобряемые ответы. Но в данном случае именно это от них и требовалось, поскольку статистическая совокупность таких ответов как раз и формирует научное представление о социальной норме. Среди поколения 21–35-летних основные причины для расторжения их браков в порядке убывания значимости распределились следующим образом (5 наиболее значимых):

1) постоянная (многократная) супружеская неверность (35,8%);
2) грубое, жестокое обращение в семье (35,8%);
3) безответственность супруга(и) перед семьей (32,5%);
4) злоупотребление супруга(и) спиртными напитками (28,5%);
5) возникновение чувства любви к другому(й) (26%).

Аналогичное распределение в возрастах 36–59 лет выглядит так:

1) постоянная (многократная) супружеская неверность (40,3%);
2) грубое, жестокое обращение в семье (37,9%);
3) злоупотребление супруга(и) спиртными напитками (32,5%);
4) безответственность супруга(и) перед семьей (29,6%);
5) возникновение чувства любви к другому(й) (25,2%).

Совершенно очевидно, что первые пять позиций в списке наиболее значимых основных причин для расторжения брака среди двух принципиально отличающихся друг от друга в плане демографического поведения (и на брачном рынке в том числе) поколений почти идентичны: несколько различается разве что их порядок (а конкретно – меняются местами 3-я и 4-я позиции), а также доли отметивших ту или иную причину (причем соответствующие численные значения выше, как правило, у поколения 36–59-летних).

Обращаем внимание, что три из пяти наиболее популярных причин развода среди обоих поколений вполне объективные и их нельзя интерпретировать как-то иначе. Если оценка степени безответственности супруга(и) или силы собственных чувств к другому(й) сугубо индивидуальны, то уж регулярные супружеские измены, побои и пьянство респонденты никак не могли «придумать» или принять за них какие-то иные формы негативного внутрисемейного взаимодействия. Это несколько противоречит популярному в научной демографической литературе мнению о завершившемся в современном обществе переходе от объективных причин для развода к субъективным [15, 16, 17]. Полный перечень основных причин для расторжения брака, а также частота их выбора среди обследованных поколений представлены в *табл. 3*.

В *табл. 3* обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из причин развода набрали практически идентичные проценты среди представителей изучаемых поколений (при этом различия статистически не значимы), другие причины имеют небольшие, хотя и статистически значимые различия, и наконец, третьи демонстрируют достаточно существенную разницу своей значимости у двух рассматриваемых поколений.

К *первой* группе относятся: лишение свободы, тюремное заключение супруга(и); проблемы в сексуальной сфере; возникновение чувства любви к другому(й); изначальное отсутствие чувства любви друг к другу.

Ко *второй*: бесплодие супруга(и); психологическая, эмоциональная несовместимость; неспособность супруга(и) материально обеспечить семью; злоупотребление супруга(и) спиртными напитками; грубое, жестокое обращение в семье; утрата чувства любви друг к другу; разногласия, конфликты в бытовой сфере; отсутствие общих взглядов и интересов; безответственность супруга(и) перед семьей.

Причины, относящиеся к указанным двум группам, можно считать традиционными для брачного поведения населения нашей страны, хотя и с разной степенью значимости (важно лишь то, что эта значимость не эволюционирует ни в каком направлении со сменой демографически активных поколений).

Однако гораздо больший исследовательский интерес представляют причины, значимость которых заметно отличается у сравниваемых

поколений, поэтому на них стоит остановиться отдельно, тем более что подобных причин всего четыре:

- однократная супружеская измена (значимее для 21–35-летних);
- постоянная (многократная) супружеская неверность (значимее для 36–59-летних);
- продолжительное безвестное отсутствие супруга(и) (значимее для 36–59-летних);
- несовпадение брачных ожиданий супругов с реальностью (значимее для 21–35-летних).

Проще всего объясняются расхождения в значимости именно последней причины. Как показывает дополнительная статистическая обработка материалов опроса, а также результаты глубинных интервью, проведенных с отдельными представителями указанных поколений (в рамках другого этапа проводимого нами исследования), неодинаковая значимость несовпадения брачных ожиданий супругов с реальностью в качестве основной причины для развода обусловлена не поколенческими, а скорее возрастными особенностями разведенных, то есть нынешние 21–35-летние респонденты по мере достижения ими все более старших возрастов также будут с большой долей вероятности все в меньшей степени соотносить свои ожидания от брака с тем, что он собой представляет на самом деле.

Разница в оценке значимости продолжительного безвестного отсутствия супруга(и) в качестве основной причины для расторжения брака обусловлена, скорее всего, тем, что представители более молодого поколения практически не сталкивались еще с подобным развитием событий семейной жизни, тогда как старшее поколение, видимо, в достаточном количестве имеет подобный опыт. То есть фактически речь тоже идет всего лишь о возрастных различиях, а вовсе не о различиях реальных поколений в их поведении на брачном рынке.

Наконец, достаточно интересной представляется разница в оценках супружеских измен, как однократных, так и постоянных. Причем первый случай (однократно) в качестве основной причины развода в большей степени характерен для 21–35-летних, тогда как второй (постоянно) – для 36–59-летних. Глубинные интервью показывают, что вот в этом случае различия именно поколенческие. Проявляются они в том, что представители более молодого поколения гораздо менее терпимы к супружеским изменам, причем это не возрастная особенность; она с большой долей вероятности никуда не денется и по достижении представителями данного поколения старших возрастов. И поскольку 21–35-летние часто не могут «смириться» даже с однократной супружеской изменой, то вполне естественно, что они, как правило, разводятся гораздо раньше, чем этих измен становится много. Напротив, представители поколения 36–59-летних чаще «прощают» однократные измены, а вот совокупность таковых становится для них уже наиболее частой причиной расторжения брака.

Аналогичные зарубежные исследования показывают, что в большом количестве пар, находящихся в разводе, один из супругов (или даже оба) имел романтические отношения вне брака непосредственно перед расставанием. Конечно, неверно понимать, что каждый развод был вызван супружеской неверностью. Как правило, внебрачным связям предшествует неудовлетворенность существующими брачными отношениями или один из супругов уже принимает решение о ближайшем разводе.

Анализируя данные Национального продольного обследования молодежи (NLSY, 1979–1987), С. Саус и К. Ллойд отмечают, что примерно 15–16% респондентов (14,3% бывших жен и 16,5% бывших мужей) сообщают, что они сами имели романтические отношения с другим партнером до их развода. Тем не менее более 40% утверждают, что их бывшие супруги были неверными, и еще 20,6% предполагали измену супруга. В целом же распределение ответов схоже у разведенных мужчин и у разведенных женщин. С одной стороны, респонденты неохотно признают свою неверность при опросе, чтобы избежать морального осуждения, а с другой, сознательно или нет, респонденты преувеличивают неверность своего бывшего супруга, чтобы оправдать расторжение брака или объяснить ситуацию, когда респондент был оставлен своим брачным партнером. Однако важно отметить, что даже самая консервативная оценка показывает, что значительному проценту разводов все-таки предшествует супружеская неверность [8, с. 28].

Логичным продолжением сравнительного анализа популярности причин, приведших к разводу, представляется рассмотрение факторов, которые могли бы удержать от расторжения брака. Для представителей обоих поколений с очень большим отрывом от остальных по своей значимости «лидируют» три таких фактора:

– наличие общих детей;

– чувство любви друг к другу;

– устранение причины развода.

Отметим при этом, что несмотря на выявленное сходство, позиции в этой «тройке» в обследованных поколениях распределены по-разному. Если для 21–35-летних наиболее важным из трех перечисленных факторов является чувство любви друг к другу, а наименее – устранение причины развода, то для 36–59-летних аналогичные позиции занимают соответственно устранение причины развода (наиболее важный фактор) и наличие общих детей (наименее важный из трех самых популярных).

Для этого тоже есть вполне объективные основания, поскольку, например, «чувство любви», как его понимает большинство респондентов, гораздо важнее именно в молодых возрастах и, следовательно, оно является более значимым фактором, способным удержать от развода, нежели в возрастах более старших. В то же время наименее значимым таким фактором (из трех самых сильных) для молодых выступает устранение причины развода, что вполне естественно, поскольку невозможно, например, устранить супружескую измену, которая уже произошла. Для поколения же 36–59-летних наименее значимым фактором (опять же из «сильной» группы) представляется наличие общих детей, которые с большой долей вероятности уже выросли и потому не столь остро нуждаются в полной родительской семье, как в раннем детстве. Следовательно, и здесь мы приходим к заключению, что большинство различий в поведении изучаемых поколений на брачном рынке – возрастные, а сам этот рынок, равно как и институт брака, в течение многих лет в нашей стране функционируют неизменным образом. Полный перечень факторов, способных удержать от развода, а также частота их выбора среди обследованных поколений представлены в *табл. 4*.

Обращаем внимание, что такие факторы, способные удержать от развода (помимо уже перечисленных ранее), как материальные соображения, вмешательство родственников, друзей или знакомых, религиозные соображения и боязнь одиночества, несколько важнее для старшего поколения, а несогласие супруга(и) расторгнуть брак – значимее для более молодых.

Также отметим, что среди поколений 21–35 и 36–59 лет по 13,0% и 14,6% респондентов соответственно ответили, что их ничего не могло бы удержать от развода, а по 8,94% и 3,88% вообще затруднились ответить на вопрос о таких факторах.

В целом эти результаты также однозначно указывают на стабильное в течение нескольких десятков лет функционирование брачного рынка и института брака в нашей стране, а также на преобладание одних и тех же типичных стратегий брачного поведения среди демографически активного населения (разведенных в данном случае), поскольку существенных расхождений в *табл. 4* не наблюдается практически ни по одному из пунктов, за исключением чувства любви друг к другу (но это, как мы уже отмечали, – возрастное).

Отдельный исследовательский интерес представляют собой причины развода у тех, кого бы, как они считают, ничего не могло удержать от расторжения брака. Есть все основания полагать, что именно такие причины и являются наиболее значимыми факторами развода, если при их наличии брак уже ничего не может спасти.

Для поколения 21–35-летних максимальную популярность среди всех возможных причин развода имеют несовпадение брачных ожиданий супругов с реальностью и безответственность супруга(и) перед семьей, чуть меньшую – злоупотребление супруга(и) спиртными напитками и грубое/жестокое обращение в семье.

В поколении 36–59-летних аналогичные позиции распределяются так:

– максимальная популярность – постоянная (многократная) супружеская неверность, утрата чувства любви друг к другу, безответственность супруга(и) перед семьей;

– чуть меньшая – психологическая/эмоциональная несовместимость, грубое/жестокое обращение в семье, возникновение чувства любви к другому(й);

– еще несколько меньшая, но все же достаточно высокая – злоупотребление супруга(и) спиртными напитками, отсутствие общих взглядов и интересов.

Полный перечень основных причин для расторжения брака, а также частота их выбора среди тех представителей обследованных поколений, которых ничего не могло бы удержать от развода, представлены в *табл. 5*.

Хорошо заметно, что данные *табл. 5* существенно отличаются от таковых в *табл. 3*, и прежде всего

тем, что в последнем случае выявлено очень мало совпадений в самооценках основной причины развода между представителями изучаемых поколений. Практически полное совпадение (различия статистически не значимы) наблюдается только в отношении такой причины, как грубое/жестокое обращение в семье (кроме того, в обоих поколениях вообще никто не назвал в качестве причины развода бесплодие супруга(и).

Близкие оценки продемонстрированы респондентами в отношении следующих причин расторжения брака: злоупотребление супруга(и) спиртными напитками и безответственность супруга(и) перед семьей. Все остальные причины развода имеют разную распространенность среди представителей изучаемых поколений (а конкретно тех, кого от расторжения брака не смогло бы удержать ничего), причем различия не просто статистически значимые, но и весьма существенные.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что независимо от подвыборки, существенную факторную нагрузку имеют следующие причины: постоянная (многократная) супружеская неверность; злоупотребление супруга(и) спиртными напитками; грубое, жестокое обращение в семье; безответственность супруга(и) перед семьей.

Именно эти причины и следует считать наиболее популярными среди разведенных в нашей стране на протяжении нескольких последних десятилетий. Значимость всех остальных причин развода, согласно результатам статистического анализа мнений самих разведенных, в заметно большей степени зависит как от самых разнообразных внешних факторов, так и от социально-демографических характеристик респондентов. В целом же устойчивость (самодостаточность, независимость от большинства внешних и внутренних факторов) распределения мнений респондентов относительно причин расторжения ими собственного брака следует признать однозначно высокой.

Высокая значимость для всех возрастных групп таких оснований для развода, как измена, утрата чувства любви или возникновение ее к другому партнеру, безответственность супруга перед семьей и т.д., говорят об универсализации паттернов поведения в ситуации развода, сближении поколенческих выборов в сфере брака.

Возрастные особенности скорее имеют отношение к социальной зрелости личности. В средних возрастах супруги уже приобретают необходимый опыт разрешения конфликтных ситуаций. Браки, распавшиеся в возрастах супругов 21–35 лет, имеют меньшую продолжительность, следовательно, существует риск, что в таком союзе не сформировалась «мы-идентичность»: чувство единства, понимание «общей истории», формирующееся с длительным опытом совместной жизни. Более длительные браки этой возрастной когорты характеризует их раннее заключение, которое влечет за собой проблемы иного характера. Динамика причин разводов не может быть полностью объяснена ни консерватизмом старших поколений, ни социальной незрелостью молодоженов. Факторы, приводящие к разводу и влияющие на стабильность семьи, настолько индивидуальны для возрастных групп, что сформировать универсальный набор причин невозможно. Одни и те же переменные в зависимости от социального контекста дают разные результаты.

Так, например, по данным американского исследователя семьи А. Бута, низкий уровень доходов увеличивает количество разводов среди браков с низким стажем. В длительных браках, напротив, люди с высоким доходом более склонны к разводу (однако важно уточнить, что при изучении ориентации женщин на развод существует обратная тенденция: высокий доход в молодом браке связан с высокими показателями ориентаций на развод). Ранний возраст вступления в брак объясняет только четверть разводов, происходящих в первые пять лет брака, в то время как поздние браки также находятся в группе риска, однако распад происходит много позже и приходится на пятнадцатилетний рубеж.

Негативное влияние поздних браков столь же сильно, как и ранних. Анализ предразводного состояния в супружеских парах показывает, что более длительные браки имеют больше социальных барьеров для развода: дети, общие социальные связи, материальная зависимость. Однако такие барьеры не исключают развод, а отсрочивают его (как нередко бывает в случаях, когда есть малолетние дети) или существенно затягивают во времени. Следовательно, специфика процесса развода и его причины обнаруживают не столько возрастные особенности, сколько зависимость от жизненного курса семьи. Такая же зависимость наблюдается и в брачном поведении после развода [18].

Одной из ключевых характеристик брачно-семейного поведения представляется степень вовлеченности супругов (в том числе состоящих

в фактическом, незарегистрированном браке) во внутрисемейные микросоциальные процессы, взаимодействия и коммуникации. Это тем более интересно, когда дело касается индивидов, уже имевших в прошлом опыт расторжения брака (а некоторые даже более одного раза), следовательно, прекрасно представляющих, исходя прежде всего из собственного жизненного опыта, какие именно обстоятельства, причины или факторы могут привести к разводу.

В *табл. 6* представлена сравнительная популярность различных вариантов проведения досуга представителями изучаемых поколений, имеющими опыт развода, но при этом состоящими в настоящее время в зарегистрированном либо фактическом браке. Иначе говоря, представленная в *табл. 6* информация позволит понять то, насколько значимым является для разведенных новый официальный брак либо незарегистрированное сожительство, причем в данном случае различия между этими двумя формами брачно-семейных отношений не принципиальны, поскольку в любом случае это близкие отношения со своим брачным партнером, с большой долей вероятности предполагающие совместное проживание, общие доходы, быт и т.п., а главное – опыт таких отношений с совсем другим человеком у всех опрошенных уже был ранее (а у некоторых к тому же неоднократно).

Из данных *табл. 6*, во-первых, следует, что между представителями обследованных поколений наблюдается большое единодушие в ответах на предложенный им вопрос относительно вариантов проведения свободного времени. Хотя статистически значимые отличия в распределении мнений между изучаемыми поколениями присутствуют почти по всем позициям, они тем не менее не носят принципиального характера и интерпретировать эти мнения можно только как практически совпадающие. Во-вторых, хорошо заметна вполне определенная общая тенденция в распределении этих ответов, проявляющаяся в том, что практически отсутствуют респонденты, «всегда» либо «часто» проводящие выходные, праздники и свободное время в одиночестве, а также «никогда» или «редко» – в семейном кругу.

В то же время подавляющее большинство из них (и в том, и в другом поколении) проводят свободное время именно в семейном кругу, а друзья/знакомые/коллеги занимают в этом списке промежуточное положение (модальный вариант ответа здесь – «время от времени»). Из этого следует, что, во-первых, основные брачные стратегии разведенных остаются в нашей стране неизменными на протяжении нескольких последних десятилетий, а во-вторых, эти стратегии в первую очередь ориентированы на установление максимально тесных семейных отношений с новым брачным партнером (независимо от юридического статуса повторного брака), если такие же отношения с предыдущим(и) критически не соответствовали идеальным либо неким усредненным представлениям о том, каким должен быть нормальный супружеский союз.

Следует отметить, что хотя на данном этапе исследования мы не проводим принципиальных разграничений между юридическим и фактическим браком, тем не менее такие различия «видят» сами респонденты, что проявляется в следующем: состоящие в официальном супружеском союзе демонстрируют заметно более выраженное неодобрение такой формы брачных отношений, как нерегистрируемое сожительство, по сравнению с собственно «сожительствующими», что вполне естественно. Никаких принципиальных различий в распределении мнений среди представителей изучаемых поколений по данному вопросу не выявлено (хотя и присутствуют отдельные статистически значимые), поэтому в *табл. 7* мы приводим соответствующие сравнительные данные не между поколениями, а между проживающими в официальном браке, в сожительстве и всеми остальными (в родительской семье, только с ребенком/детьми, одиноко и проч.) по выборочной совокупности в целом. Респондентам было предложено отметить те утверждения (из перечисленных в *табл. 7*), которые совпадают с их мнением (сумма превышает 100%, поскольку опрошенные могли выбирать любое количество вариантов ответа).

Данные *табл. 7* говорят прежде всего о следующих тенденциях.

Во-первых, состоящие в официальном супружеском союзе в наименьшей степени из всех представленных подгрупп респондентов одобряют практику нерегистрируемых сожительств, тогда как проживающие в таком сожительстве – в наибольшей, что ожидаемо. Но при этом довольно значительная доля «сожительствующих» (хотя и заметно меньшая, нежели среди официально женатых/замужних) все же высказывается за то, что брак должен быть именно зарегистрирован официально. Это означает, что, либо состоящие в сожительстве сами в значительной степени не одобряют собственное брачное поведение, либо некоторая часть их все же планирует официально оформить отношения,

демонстрируя таким образом неудовлетворенность своим текущим брачно-семейным статусом.

Во-вторых, проживающие не в браке (ни в официальном, ни в сожительстве) демонстрируют степень одобрения практики сожительства, которую можно охарактеризовать как промежуточную по отношению к состоящим в зарегистрированном браке и в сожительстве, при этом она все же заметно ближе к тем, кто официально оформил свои супружеские отношения.

В целом все это говорит о том, что базовые поведенческие стратегии на брачном рынке во многом ориентируют разведенных на вступление в повторный брак с одномоментной либо последующей (отложенной) официальной регистрацией этого события, причем независимо от когортной принадлежности респондентов, а также от количества пережитых ими в прошлом разводов.

Таким образом, стабильно высокий уровень разводимости в последние несколько десятилетий, безусловно, свидетельствует о процессе формирования в нашей стране *культуры развода*, свойственной странам Западной Европы и США.

В то же время нельзя игнорировать склонность представителей всех исследуемых возрастов объяснять развод преимущественно «легитимными» причинами: неверность супруга, пристрастие к алкоголю, грубое обращение и т.д. – эти причины были достаточными основаниями для расторжения брака в суде на протяжении многих десятилетий и остаются таковыми в настоящее время. Это свидетельствует о том, что развод как таковой сохраняет элементы стигматизации, разведенные испытывают потребность «оправдать» распад своего брака «сильными» причинами. При этом развод утрачивает поколенческую специфику. Гораздо большее влияние имеют особенности семейного жизненного курса и возраст супругов.

Аналогичные исследования показывают, что молодые супруги более категоричны в оценках собственного брака, они склонны перечислять большее количество проблем и предъявлять больше требований к брачному партнеру, что отражается и в восприятии развода.

Нестабильность брака в первые годы обусловлена еще и тем, что молодожены имеют относительно высокие шансы на повторный брак, а структура брачного рынка (избыток брачных альтернатив) провоцирует супружеские измены.

В более длительном семейном жизненном курсе супруги сталкиваются с другими проблемами – снижение удовлетворенности браком, скука, появление новых интересов и увлечений, не разделяемых партнером, и соответственно в субъективных оценках развода начинают преобладать такие причины, как «утрата чувства любви друг к другу», «психологическая, эмоциональная несовместимость» и т.д. При этом представители обеих возрастных групп демонстрируют сильные установки на компенсацию распавшегося брака новым союзом (официальным или фактическим), что в целом говорит о сближении практик брачного поведения и устранении поколенческих «разрывов».

Таблица 1

Соотношение разводившихся по одному и по два раза среди поколений 21–35 и 36–59-летних, %

Table 1

The percentage of people divorced one and two times among generations of 21–35 and 36–59-year-old people

Количество разводов	Поколения обследованных	
	21–35 лет	36–59 лет
Разводились 1 раз	62,6	55,34
Разводились 2 раза	34,96	43,2

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 2

Удельный вес состоящих в зарегистрированном и фактическом браке (сожительстве) среди поколений 21–35- и 36–59-летних, %

Table 2

The proportion of registered marriage and de facto marriage (cohabitation) among generations of 21–35- and 36–59-year-old people, percent

Статус брачного союза	Поколения обследованных	
	21–35 лет	36–59 лет
В официальном браке	24,39	38,83
В фактическом браке	13,89	13,11

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 3

Сравнительная значимость основных причин для расторжения брака среди разведенных, принадлежащих к поколениям 21–35 и 36–59 лет, %

Table 3

The relative importance of the main reasons for divorce among the divorced of 21–35- and 36–59-year-old generations, percentage

Причина развода	Поколения обследованных	
	21–35 лет	36–59 лет
1. Однократная супружеская измена	18,7	12,14
2. Постоянная (многократная) супружеская неверность	35,77	40,29
3. Лишение свободы, тюремное заключение супруга(и)	7,32	7,28
4. Продолжительное безвестное отсутствие супруга(и)	5,69	15,05
5. Бесплодие супруга(и)	3,25	1,94
6. Проблемы в сексуальной сфере	4,88	4,85
7. Психологическая, эмоциональная несовместимость	14,63	13,59
8. Неспособность супруга(и) материально обеспечить семью	12,2	13,59
9. Злоупотребление супруга(и) спиртными напитками	28,46	32,52
10. Грубое, жестокое обращение в семье	35,77	37,86
11. Несовпадение брачных ожиданий супругов с реальностью	16,26	10,68
12. Утрата чувства любви друг к другу	22,76	20,39
13. Разногласия, конфликты в бытовой сфере	13,01	11,17
14. Отсутствие общих взглядов и интересов	13,82	12,62
15. Безответственность супруга(и) перед семьей	32,52	29,61
16. Возникновение чувства любви к другому(й)	26,02	25,24
17. Изначальное отсутствие чувства любви друг к другу	16,26	16,5

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 4

Сравнительная значимость факторов, способных удержать от расторжения брака, среди разведенных, принадлежащих к поколениям 21–35 и 36–59 лет, %

Table 4

The relative importance of the factors that may deter divorce among the divorced of 21–35- and 36–59-year-old generations, percentage

Фактор	Поколения обследованных	
	21–35 лет	36–59 лет
1. Наличие общих детей	41,46	38,35
2. Материальные соображения	8,94	12,14
3. Вмешательство родственников, друзей или знакомых	5,69	6,8
4. Религиозные соображения	4,88	5,83
5. Чувство любви друг к другу	52,85	38,83
6. Несогласие супруга(и) расторгнуть брак	9,76	7,77
7. Боязнь одиночества	9,76	11,17
8. Устранение причины развода	38,21	43,69
9. Боязнь осуждения со стороны окружающих	0,81	1,46
10. Ничего	13,01	14,56
12. Затрудняюсь ответить	8,94	3,88

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 5

Сравнительная значимость основных причин для расторжения брака, при которых оно неизбежно, среди разведенных, принадлежащих к поколениям 21–35 и 36–59 лет, %

Table 5

The relative importance of the main reasons for divorce, where it is unavoidable, among the divorced of 21–35- and 36–59-year-old generations, percentage

Причина развода	Поколения обследованных	
	21–35 лет	36–59 лет
1. Однократная супружеская измена	6,25	16,13
2. Постоянная (многократная) супружеская неверность	18,75	29,03
3. Лишение свободы, тюремное заключение супруга(и)	0	6,45
4. Продолжительное безвестное отсутствие супруга(и)	0	3,23
5. Бесплодие супруга(и)	0	0
6. Проблемы в сексуальной сфере	6,25	9,68
7. Психологическая, эмоциональная несовместимость	12,5	25,81
8. Неспособность супруга(и) материально обеспечить семью	18,75	9,68
9. Злоупотребление супруга(и) спиртными напитками	25	22,58
10. Грубое, жестокое обращение в семье	25	25,81
11. Несовпадение брачных ожиданий супругов с реальностью	31,25	12,9
12. Утрата чувства любви друг к другу	18,75	29,03
13. Разногласия, конфликты в бытовой сфере	6,25	16,13
14. Отсутствие общих взглядов и интересов	0	22,58
15. Безответственность супруга(и) перед семьей	31,25	29,03
16. Возникновение чувства любви к другому(й)	12,5	25,81
17. Изначальное отсутствие чувства любви друг к другу	6,25	9,68

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос *Как Вы проводите выходные, праздники, свободное время?* среди разведенных, принадлежащих к поколениям 21–35 и 36–59 лет, состоящих на момент опроса в юридическом либо фактическом браке, %

Table 6

The distribution of answers to the question *How do you spend weekends, holidays, free time?* among the divorced of 21–35- and 36–59-year-old generations, being legally or de facto married at the time of the survey, percentage

Варианты ответа	Поколение	Варианты времяпровождения		
		В одиночестве	В семейном кругу	В кругу друзей, знакомых, соседей, коллег и т.д.
Никогда	21–35 лет	46,51	0	2,72
	36–59 лет	44,09	0,96	3,16
Редко	21–35 лет	46,51	6,38	18,18
	36–59 лет	36,56	4,81	24,21
Время от времени	21–35 лет	6,98	10,64	34,09
	36–59 лет	17,2	14,42	51,58
Часто	21–35 лет	0	48,94	34,09
	36–59 лет	2,15	42,31	16,84
Всегда	21–35 лет	0	34,04	11,36
	36–59 лет	0	37,5	4,21

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 7

Сравнительная характеристика отношения обследованных к нерегистрируемому сожительству как форме брачно-семейных отношений, %

Table 7

Comparative characteristic of attitudes of the surveyed toward non-registered marriage (cohabitation) as a form of marriage and family relations, percentage

Выберите утверждения, с которыми Вы согласны...	Брачно-семейная форма проживания респондентов		
	Официальный брак	Сожительство	Прочие формы
1. Настоящая семья должна строиться только на основе юридически зарегистрированного брака	22,73	11,36	18,86
2. Если мужчина и женщина хотят быть вместе, они должны узаконить свои отношения	34,55	27,27	34,86
3. Брак обязательно регистрировать в ЗАГСе только если есть (планируются) дети	18,18	27,27	24
4. Брак нужно регистрировать для того чтобы потом было легче поделить имущество	6,36	9,09	10,86
5. Если мужчина и женщина любят друг друга, штамп в паспорте не имеет никакого значения	50	54,55	45,71
6. Штамп в паспорте только портит отношения	0,91	4,55	6,86

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Список литературы

1. *Архангельский В.Н.* Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
2. *Гольцова Е.В., Лещенко Я.А.* Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130.
3. *Антонов А.И.* Стратегия фамилистических исследований и политики «семейной приватизации» // Семья в России. 1995. № 1-2. С. 29–51.
4. *Антонов А.И.* Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 80–87.
5. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
6. *Елизаров В.В.* Семья и семейная политика: 10 лет после Каира // Народонаселение. 2004. № 3. С. 46–59.
7. *Bloom B.* Sources of Marital Dissatisfaction Among Newly Separated Persons. *Journal of Family Issues*, 1985, no. 6, pp. 359–373.
8. *South S., Lloyd K.* Spousal Alternatives and Marital Dissolution. *American Sociological Review*, 1995, no. 60, pp. 21–35.
9. *White L.* Determinants of Divorce: A review of research in the eighties. *Journal of Marriage and the Family*, 1990, no. 52, pp. 904–912.
10. *Lichter D., McLaughlin D., Kephart G., Landry D.* Race and the Retreat from Marriage: A shortage of marriageable men? *American Sociological Review*, 1992, no. 57, pp. 781–799.
11. *Carrere S.* Predicting Marital Stability and Divorce in Newlywed Couples. *Journal of Family Psychology*, 2000, vol. 14, iss. 1, pp. 42–58.
12. *Kitson G., Sussman M.* Marital Complaints, Demographic Characteristics, and Symptoms of Mental Distress in Divorce. *Journal of Marriage and the Family*, 1982, vol. 44(1), pp. 87–101.
13. *Thurnher M., Fenn C., Melichar J., Chiriboga D.* Sociodemographic Perspectives on Reasons for Divorce. *Journal of Divorce*, 1983, no. 6, pp. 25–35.
14. *Синельников А.Б.* Развод в зеркале общественного мнения // Семья в России. 2002. № 3. С. 35–46.
15. *Синельников А.Б.* Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 27–38.
16. *Барашкова А.С., Сукнёва С.А.* Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 116–132.
17. *Тольц М.С.* Брачность населения России в конце XIX – начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневский. М.: Статистика, 1977. С. 139–151.
18. *Booth A., Johnson D., White L., Edwards J.* Divorce and Marital Instability over the Life Course. *Journal of Family Issues*, 1986, no. 7, pp. 421–442.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

ISSN 2311-8733 (Online)
ISSN 2073-1477 (Print)

Population and Demography

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MARRIAGE STRATEGIES AMONG REPRESENTATIVES OF DIFFERENT GENERATIONS

Georgii V. ANTONOV[a,•], Elena G. LAKTYUKHINA[b]

[a] Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
antonovgv@mail.ru

[b] Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
laktuchina@mail.ru

[•] Corresponding author

Article history:
Received 30 May 2016
Received in revised form
15 July 2016
Accepted 4 August 2016
Available online 14 April 2017

JEL classification: J12

Keywords: marriage market, marriage rate, divorce rate, post-marriage behavior

Abstract

Importance The article discusses the remarriage market and individual strategies for matrimonial behavior of people in contemporary Russia.

Objectives The article aims to study trends on the remarriage market and identify common forms of matrimonial behavior.

Methods We held a mass questionnaire survey on a representative sample of residents of Volgograd and several districts of the Volgograd oblast, who had experienced marriage dissolution and had not, to determine whether they had common strategies for marriage selection and some main trends in marital behavior. We used certain specialized software and the methods of descriptive statistics, crosstables, etc. to process the primary data.

Results We present certain data on the factors in choosing a particular strategy of marriage behavior among demographically active population of contemporary Russia.

Conclusions In modern Russia, the divorce is often a voluntary choice of both spouses, considered as one of equiprobable options for the development of the marriage and family relations. This indicates the formation of *a culture of divorce* in Russia, so far being more typical of Western Europe and the United States.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Acknowledgments

The article was supported by the Russian Foundation for Humanities and Administration of the Volgograd oblast, grant No. 15-13-34002 (a/B), *Post-Marriage Practices, Structure and Functioning of the Remarriage Market in Modern Russia*.

References

1. Arkhangel'skii V.N. [Reproductive and marriage behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2013, no. 2, pp. 129–136. (In Russ.)

2. Gol'tsova E.V., Leshchenko Ya.A. [Factors of social environment as determinants of marriage and birth rates]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010, no. 2, pp. 125–130. (In Russ.)

3. Antonov A.I. [A strategy of familistic studies and "family privatization" policy]. *Sem'ya v Rossii = Family in Russia*, 1995, no. 1-2, pp. 29–51. (In Russ.)

4. Antonov A.I. [The demographic future of Russia: depopulation forever?] *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1999, no. 3, pp. 80–87. (In Russ.)

5. Kharchev A.G. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow, Mysl' Publ., 1979, 367 p.

6. Elizarov V.V. [Family and family policies: 10 years after Cairo]. *Narodonaselenie = Population*, 2004, no. 3, pp. 46–59. (In Russ.)

7. Bloom B. Sources of Marital Dissatisfaction Among Newly Separated Persons. *Journal of Family Issues*, 1985, no. 6, pp. 359–373.

8. South S., Lloyd K. Spousal Alternatives and Marital Dissolution. *American Sociological Review*, 1995, no. 60, pp. 21–35.

9. White L. Determinants of Divorce: A review of research in the eighties. *Journal of Marriage and the Family*, 1990, no. 52, pp. 904–912.

10. Lichter D., McLaughlin D., Kephart G., Landry D. Race and the Retreat from Marriage: A shortage of marriageable men? *American Sociological Review*, 1992, no. 57, pp. 781–799.

11. Carrere S. Predicting Marital Stability and Divorce in Newlywed Couples. *Journal of Family Psychology*, 2000, vol. 14, iss. 1, pp. 42–58.

12. Kitson G., Sussman M. Marital Complaints, Demographic Characteristics, and Symptoms of Mental Distress in Divorce. *Journal of Marriage and the Family*, 1982, vol. 44(1), pp. 87–101.

13. Thurnher M., Fenn C., Melichar J., Chiriboga D. Sociodemographic Perspectives on Reasons for Divorce. *Journal of Divorce*, 1983, no. 6, pp. 25–35.

14. Sinel'nikov A.B. [Divorce in the public opinion mirror]. *Sem'ya v Rossii = Family in Russia*, 2002, no. 3, pp. 35–46. (In Russ.)

15. Sinel'nikov A.B. [Socially acceptable reasons for divorce in the past and present]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1992, no. 2, pp. 27–38. (In Russ.)

16. Barashkova A.S., Sukneva S.A. [Marriage behavior conflict factors of the Yakutia population]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2011, no. 4, pp. 116–132. (In Russ.)

17. Tol'ts M.S. *Brachnost' naseleniya Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. V kn.: Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR* [Marriages in Russia in the late 19th – early 20th centuries. In: Marriage, birth, and death rates in Russia and the USSR]. Moscow, Statistika Publ., 1977, pp. 139–151.

18. Booth A., Johnson D., White L., Edwards J. Divorce and Marital Instability over the Life Course. *Journal of Family Issues*, 1986, no. 7, pp. 421–442.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.